

О НЕКОТОРЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЯХ В РЕЧИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

About some syntactic constructions in junior school students' speaking

Каравашкина Марина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания в начальной школе, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет».

 marina140270@bk.ru

В статье анализируются некоторые обороты речи современных младших школьников. Автор стремится проследить причины использования этих конструкций и установить закономерности их употребления.

The article presents some junior school students' turns of speech. The author wants to find out their reasons and objective laws.

Ключевые слова: синтаксическая конструкция, речь младшего школьника, закономерность употребления.

Keywords: turn of speech, junior school student's speech, objective law of performance.

Многие учителя отмечают тот факт, что школьники сейчас говорят не так, как их ровесники даже десять лет назад: уже с первого класса дети спокойно высказывают свое мнение, часто спорят с учителем, отстаивая свою правоту. Умению детей говорить уделяется все больше времени на уроках, проблемные вопросы предусмотрены в заданиях к упражнениям практически на всех предметах. Исчезла боязнь, стена, отделявшая ученика от учителя, и этому нельзя не радоваться. Через речь ребенок осознает себя в мире, поэтому сразу следует заметить, что употребление в детской речи тех или иных конструкций, - отнюдь не только лингвистический вопрос. Этой проблемой интересуются философы (например, Ж.-П. Сартр), психологи (Ж. Пиаже). В этой области трудно провести границу между отдельными науками. Подчеркнем, что нас прежде всего будут интересовать именно лингвистические аспекты проблемы.

На наш взгляд, в речь современного младшего школьника может служить иллюстрацией научных идей Ю.Д. Апресяна об изменении фокуса внимания лингвистики с языковых значений – как более или менее непосредственного отражения фактов действительности – на языковые значения как связанные «с фактами действительности не прямо, а через отсылки к деталям наивной модели мира, как она представлена в данном языке» (Апресян 1995, с. 630), в результате чего появляется «основа для выявления универсальных и национально своеобразных черт в семантике естественных языков.» (Там же, с. 630). Интересны также идеи этого ученого об антропоцентричности и даже эгоцентричности языка. По его мнению, представления о человеке выступают в качестве естественной точки отсчета для гораздо большего количества языковых значений, чем

это было принято считать ранее, при этом язык не только антропоцентричен, но и эгоцентричен значительно более, чем признается в настоящее время.

С этой точкой зрения полностью согласна Г.Р. Доброва, которая проанализировала факты речевого онтогенеза. Она говорит о детском «эгоцентризме», который считает неперменной ступенью формирования сознания/речи ребенка. (Доброва 2003, с. 26). Но если автор данной монографии говорит об этапах формирования и становления детской речи (в основном, - речи детей до 3 лет), то мы постараемся проследить, какие языковые модели будет сознательно использовать 9 – 10-летний ребенок.

Заметим сразу, что данные конструкции не являются принадлежностью речи только младшего школьника, не являются его «языковым открытием»: ребенок их слышит от взрослых, во многом копирует. Мы будем говорить о выборе той или иной модели и об уместности ее применения.

Итак, в некоторых случаях ученику приходится оправдываться, словесно защищаться. И вот здесь ему на помощь приходят обороты речи. В данной статье мы проследили за тем, какие конструкции используют школьники младших классов, пытающиеся объяснить то или иное положение дел, отстоять свою правоту. Наблюдения автора подтверждались устными беседами с учителями начальных классов, учениками и их родителями школы № 14 г. Москвы.

Во-первых очень интересным нам показалось использование неопределенно-личных предложений.

Основным значением неопределенно-личного предложения является выражение независимого действия, деятель словесно не обозначен и представлен как неопределенный. (*Город и людей как будто подменили.* – Паустовский). (Здесь и далее будем стараться приводить литературные примеры из учебников для начальной школы). Одним из показателей независимости глагола в неопределенно-личных предложениях является его положение относительно второстепенных членов, препозиция второстепенных членов по отношению к главному. (*Зайца вылечили.* – Паустовский). Если в предложении есть обстоятельство и дополнение, то первое занимает препозицию и подчеркивает независимость главного члена, а дополнение может располагаться либо перед глаголом, либо после него. (*В гостиную втащили большую мерзлую елку.* – А.Толстой). Во всех случаях неопределенно-личные предложения представлены конструкцией, в которой субъектом является кто-то, кто не известен говорящему, не определен, а позиция субъекта в предложении занята. (См., например, Русский язык, 2001, с. 677-678).

Что же мы можем наблюдать в речи ребенка? Сравним три предложения, которые произносят многие дети, отчитываясь перед родителями о своем школьном дне. «Я по математике сегодня получил пятерку». В этом двусоставном предложении субъект четко задан. Причем,

как бы ни был сформулирован родителями вопрос, в случае успеха ученик ставил на первое место именно «я». Был и другой вариант: «Наталья Алексеевна мне сегодня тройку поставила». Обратите внимание, что ученик в позицию субъекта выдвигает учителя: я тут ни при чем, это выбор учителя, это ее действие. И наконец, чаще всего в случае неудачи мы слышим такой ответ: «Мне по математике сегодня тройку поставили». По семантике это предложение нельзя назвать неопределенно-личным. Субъект, поставивший плохую оценку, известен и самому говорящему, и слушающему, но он намеренно скрывается, говорящий не хочет его называть. Это своеобразная лингвистическая маска. В данном предложении позиция субъекта тоже занята: личное местоимение в косвенном падеже, стоящее в самом начале, указывает на самого говорящего. Но и он не является активным участником ситуации: действие произошло не по его воле или вине.

На наш взгляд, предложения такой конструкции близки по семантике к безличным, которые тоже иногда могут «защитить» говорящего. Сравним, например, такие предложения, построенные по одной модели: «Мне нездоровится», «Меня знобит» (действие происходит помимо воли субъекта, который не может повлиять на ситуацию), «На небе грохотало и сверкало» (действие стихийных сил) - с одной стороны и «У меня разбилось» (я не виноват, все произошло без моего активного участия), «Тут что-то сломалось» (здесь даже есть подлежащее, но оно не является активным субъектом действия) – с другой стороны. (Заметим одну интересную ошибку студентов на занятиях по синтаксису современного русского языка на факультета начального образования МПГУ: предложения типа «Мне сегодня поставили тройку» (неопределенно-личные) они иногда приравнивали к предложениям типа «Мне холодно» (безличным), опираясь на семантику, а не на форму выражения предиката и представление о субъекте, которое есть в каждом из предложений).

Почему же маленький ребенок неосознанно выбирает именно такую конструкцию? На наш взгляд, в его сознании сформировалось представление о том, что так выстроенное предложение помогает ему «уйти от ответственности», не быть активным участником ситуации, потому что такова семантика неопределенно-личных предложений в русском языке.

Еще раз хотим подчеркнуть, что употребление данной языковой конструкции не является результатом изменений, произошедших в синтаксисе русского языка в последнее время, она достаточно часто встречается в произведениях русской классической литературы. Также она не является отличительной чертой речи ребенка, мы говорим лишь об особенностях ее употребления.

Во-вторых, хотелось бы сказать о конструкции, которая является в языке относительно новой.

Как известно, синтаксис относится к такому ярусу языковой системы, который характеризуется медленной изменяемостью. Но изменения происходят, и они связаны как с внутренними (системными) факторами развития языка, так и с внешними, социальными: развитие средств массовой информации (радио, телевидение, печать, Интернет, социальные сети), расширение устных контактов, доступность телефонной и видео связи). В речи современной молодежи и, в частности, младших школьников была отмечена одна интересная особенность – это замена конструкций «притяжательное прилагательное или притяжательное местоимение + существительное (гл. слово)» на словосочетание «существительное или личное местоимение в родительном падеже со значением принадлежности + существительное (гл. слово)». В причинах таких замен автор пытался разобраться в статье «Об употреблении притяжательных прилагательных и местоимений в речи современной молодежи» (Каравашкина 2014, с. 93-100). Напомним, что поводом для написания статьи стало высказывание академика В.В. Виноградова: «Судьба притяжательных лишена перспектив». (Виноградов 1947, 200). Такое наблюдение было им сделано около 70 лет назад. Современное состояние разговорных конструкций, на наш взгляд, полностью подтвердило правоту этих слов. Известно, что при поступлении в школу логопед, проверяя словарный запас будущего ученика, показывает ему картинки и просит ответить на вопрос, чей это предмет. Современный дошкольник скорее ответит «хвост белочки», а не «беличий хвост». В речи школьников вместо фразы «Мамин брат был архитектором» чаще мы услышим «Брат моей мамы был архитектором» или даже «У меня у мамы брат был архитектором». Причем конструкции с двумя родительными принадлежностями нередко разбиваются на две предикативные единицы: «У меня у мамы был брат. Он был архитектором». Еще раз подчеркнем, что это конструкции, свойственные только разговорной речи, они тщательно изгоняются учителями из школьных сочинений и изложений.

В чем же причина их живучести в разговорной речи? На наш взгляд, при замене притяжательного прилагательного на родительный падеж существительного или притяжательного местоимения на родительный падеж личного происходит смещение смыслового акцента в всем предложении. Например, вместо «У моей мамы был день рождения» мы, скорее всего, услышим «У меня у мамы был день рождения». Это служит каким-то оправданием говорящему: он что-то может или не может сделать по этой причине. Это наблюдение подтвердили учителя начальных классов. Автор попросил их в течение месяца отмечать, какие конструкции дети будут использовать в свое оправдание или наоборот, желая отстоять свою точку зрения. Заметим, что в данном случае личное местоимения занимает позицию актуализации, позицию начала предложения. То есть позиция субъекта требует, скорее, имени в косвенном падеже, а не притяжательной формы. Хочется также отметить одно тонкое замечание

А.М. Пешковского: «В прилагательных типа «братнин», «отцов» суффиксы –ин и –ов обозначают прямую принадлежность (не просто отношение), а значение это само по себе связано с отвлечением от тех или иных качеств; мы ими указываем, что предмет, всецело, со всеми своими качествами, каковы бы они ни были, принадлежит другому предмету (вернее, указанному основой имени существительного другому единичному лицу.)» (Пешковский 1956, с. 103). Говорящему же в данном случае не важна принадлежность, ему важно собственное «я» и возможность убедить окружающих в своей правоте.

На наш взгляд, замены такого типа поддержаны в языке и еще одной тенденцией. Н.С. Валгина отмечает, что в современном русском синтаксисе предложные сочетания часто приходят на смену беспредложному управлению. (Валгина 2001, с. 263). В современном русском языке предлогов и предложных сочетаний гораздо больше, чем было в языке древнерусском. Исследователь считает, что предлоги помогают дифференцировать значения, передаваемые при помощи падежных форм. (Это утверждение мы можем проиллюстрировать примерами с семинарских занятий по русскому языку со студентами факультета начального образования. При рассмотрении примеров предсказуемого и непредсказуемого управления студенты примеры типа «плыть лодкой» или «стрелять уток» воспринимают как архаичные, противопоставляя им словосочетания с предлогами: «плыть на лодке», «плыть в лодке», «стрелять уток», «стрелять по уткам»). То есть перед нами закономерность языка, поддерживающая новую конструкцию разговорной речи. «Рост предложных конструкций и уточнение значений падежных форм благодаря специализации значений предлогов, характеризующие современные синтаксические конструкции, свидетельствуют о внутренних процессах в языке, стимулируемых тенденцией к более точной передаче необходимого смысла, поиском наиболее адекватных способов дифференциации значений». (Валгина 2001, с. 265)

Еще раз подчеркнем, что конструкции с двумя родительными принадлежности можно считать в языке относительно новыми, свойственными только разговорной речи, причем, в основном, молодого поколения.

В-третьих, нами была отмечена еще одна модель, которую стремятся употреблять дети младшего школьного возраста для своей «защиты»: «Мы с мамой это делали».

Словосочетания такого типа относят к архаичным моделям русского синтаксиса, иллюстрирующим «счет от целого». (Эту же закономерность мы видим в современных числительных «полтора» и «полтораства», образовавшихся от древних «поль вѣтора» и «поль вѣтораства»).

В чем же причина того, что эта конструкция в языке живет и активно используется? На наш взгляд, само местоимение «мы» дает такую возможность. Это не обычное множественное число: «мы» не есть много «я», осознание различия между «я» и «мы» относится не столько к сфере числа, сколько к сфере единичности – совокупности. Академическая Русская грамматика (Русская грамматика 1980) отмечает употребление местоимения «мы» в сочетаниях «мы с тобой» (= я и ты вместе), «мы с ним» (= я и он вместе). При таких словосочетаниях, выполняющих роль подлежащего, сказуемое имеет форму множественного числа, устанавливая тем самым равнозначность деятелей – соучастников действия (см., например, Валгина 2003. с. 12). Отметим, что участников действия здесь только два: это ребенок и тот взрослый, с кем выполнялась работа. Стремление же использовать такое словосочетание, на наш взгляд, идет оттого, что модель позволяет «защититься», «перераспределить ответственность». Здесь действует не один субъект, а значит и «я», говорящий, отчитывающийся за эту работу или получающий замечание, не во всем виноват.

Еще одной причиной использования этой конструкции в речи детей является довольно частое употребление местоимения «мы» в речи взрослых, когда они говорят о своем ребенке или со своим ребенком. От родителей мы можем услышать: «Мы себя плохо чувствуем», «Мы ходим в бассейн» (хотя речь идет только о ребенке) или «Куда это мы собрались?» (вопрос адресован только одному ребенку.) Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев говорят о том, что, используя местоимение таким образом, говорящий представляет проблему как общую для него и для собеседника. (Булыгина, Шмелев, 1992, 206). Г.Р. Доброва называет такое употребление местоимения «мы» псевдоплюральным. (Доброва 2003, 143). Исследователь считает, что такое употребление местоимения в речи взрослого человека призвано уничтожить «противостояние» «я» и «ты» при общении с детьми. В книге также подробно рассмотрен вопрос о том, когда и в каком значении в речи маленького ребенка появляется местоимение «мы», говорится об инклюзивном и эксклюзивном употреблении местоимения.

Иными словами, ребенок говорит так, потому что привык к таким оборотам речи, до какой-то степени цитирует взрослого, а сам язык позволяет так использовать словосочетания типа «мы с папой», «мы с мамой». Снова получается, что поводом для употребления в речи таких словосочетаний является желание ребенка найти помощь и поддержку именно средствами языка.

Русский синтаксис очень емкий и выразительный. Это интуитивно чувствуют дети, осваивая принципы построения предложений и те возможности, которые дает та или иная конструкция.

 БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. М., - Школа «Языки русской культуры», 1995. Т. 2.
2. Бабайцева В. В. Односоставные предложения в современном русском языке. М., 1968.
3. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Дейксис в грамматической системе конкретных языков. Персональный дейксис. Общие замечания // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М., - Наука, 1992.
4. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М., - Логос. – 2001.
5. Валгина Н.С. Современный русский синтаксис. М., - Высшая школа. – 2003.
6. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М., Учпедгиз, 1947.
7. Воейкова М.Д. Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. - М., 2011.
8. Гвоздев А. Н. Вопросы изучения детской речи. – М., 1963.
9. Доброва Г.Р. Онтогенез персонального дейксиса (личные местоимения и термины родства). Спб., 2003.
10. Ионова Н.В. Семантические функции предложных форм и предложно-падежных конструкций в речи детей дошкольного возраста: канд. дисс.: рукопись. – Череповец, 2007.
11. Каравашкина М.В. Об употреблении притяжательных прилагательных и местоимений в речи современной молодежи. // Языковое и литературное образование в современном обществе – 2013. Сборник научных статей по итогам Международной научно-практической юбилейной конференции (Санкт-Петербург, 12-14 декабря 2013 г.). – СПб, 2014.
12. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
13. Русский язык: Учебник для студентов высших педагогических учебных заведений / Л.Л. Касаткин, Е.В. Клобуков, Л.П. Крысин и др.; Под ред. Л.Л. Касаткина. – М.: Издательский центр «Академия», 2001.